Я поспешно вскочила и потянулась, чтобы помочь ей подняться, но Вэй Хуань отмахнулась от моей руки и, скривившись от боли, встала сама. Когда она развела ладони, я увидела, что кожа на них ободрана, сочится кровь, смешанная с пылью и грязью. Меня охватила тревога, я закричала служанкам, чтобы несли полотенце, но те двигались чересчур медленно. В нетерпении я наклонилась и лизнула грязь с её раны, затем сплюнула в сторону. Вэй Хуань вздрогнула, мгновенно спрятав руки за спину, и с побелевшим лицом спросила: «Что ты делаешь?»

Что я делаю? Я и сама не знала. Я покраснела и, запинаясь, выдавила оправдание: «Тут грязь… если сразу не очистить, может загноиться». В глубине души я понимала, что несу чушь, — мне просто захотелось лизнуть её. Но признаться в этом было невозможно, поэтому я крепко ухватила её руку и тщательно вылизала рану. Только тогда служанки подали полотенце. Я вытерла ей руки, затем велела принести солёной воды и протереть ещё раз. Лишь после этого я успокоилась. Подняв голову, я увидела, что лицо Вэй Хуань пылает ярким румянцем. Моё собственное лицо тоже горело, и я отвернулась, бормоча что-то невнятное: «Если в рану попадёт земля, может случиться заражение… Я просто очистила её. Пустяки, не обращай внимания».

Вэй Хуань молчала, её лицо всё ещё было алым.

После этого происшествия играть в цуцзюй уже не хотелось. Все сгрудились вокруг, осведомляясь о нашем самочувствии. Боясь, что слухи дойдут до отца с матушкой, я поспешно заверила всех, что всё в порядке, и с улыбкой предложила: «Сегодня победила дружба, так что давайте разделим двести связок поровну». Я велела слугам разменять деньги, раздать всем и проводить гостей, а затем тайком послала за лекарем. После этого, взяв Вэй Хуань под руку, я направилась назад.

Вэй Хуань молчала всю дорогу, и лишь когда мы вошли во внутренний двор и остались одни, она посмотрела на меня и, запинаясь, произнесла: «Тайпин, все эти дела с алхимией и поиском бессмертия — сущие фантазии. Ты ещё молода, не впутывайся в подобное».

Я замерла, удивлённо спросив: «Какая алхимия?»

Вэй Хуань покраснела ещё сильнее и объяснила: «Все эти россказни о крови девственниц — выдумки даосских шарлатанов. Будь она и впрямь столь полезна, разве не были бы мы, её обладательницы, от рождения бессмертными? Лучше уж в свободное время почаще садись на коня, укрепляй здоровье».

Мне нечего было возразить.

Император Гао-цзу провозгласил себя потомком Лао-цзы и возвёл даосизм в ранг почитаемого учения. Однако до наших дней от того духа «недеяния» и «естественности» не осталось и следа. Зато по всей Поднебесной, от знати до простолюдинов, все только и делают, что ищут пути к бессмертию. Даже те, кто не знает иероглифов, наслышаны о Высшем Владыке Восточного Полюса и золотом киноварном эликсире. Книги по алхимии и даосским практикам заполонили рынок. Среди материалов, часто упоминаемых в этих трактатах, помимо киновари, реальгара, малахита и кварца, фигурирует и кровь девственниц. Алхимики же под предлогом сбора ингредиентов нередко похищали юных дев. Даже в глубине дворца я не раз слышала о докладах с мест, где даосские секты совершали преступления против девушек. Матушка неоднократно издавала указы, осуждающие эти порочные обычаи, и даже предала казни через рассечение надвое нескольких особо зарвавшихся шарлатанов.

Описания крови девственниц в канонических текстах и устах алхимиков разнятся. Одни утверждают, что нужна кровь первых месячных, другие — что кровь, добытая из сердца, третьи настаивают именно на менструальной крови, а четвёртые считают, что сойдёт любая. Зато о пользе мнения единодушны: либо сохранение юности, либо продление жизни. Словом, вещь первейшей важности. Потому-то ныне, задумавшись об эликсире, люди первым делом вспоминают не банальную киноварь, а пикантную и загадочную кровь девственниц. Так что догадка Вэй Хуань, связавшей мои действия с алхимией, хоть и была неожиданной, но вполне объяснимой. Я лишь усмехнулась, оставив тему, и вместе с Вэй Хуань вошла в покои. Мы поужинали, совершили омовение, а до отхода ко сну было ещё рано. Вэй Хуань предложила почитать, и мы устроились на лежанке: она углубилась в «Хань-цзы», а я взяла «Шишо синьюй».

Стояла суровая зима. Без жаровни в комнате было холодно, а с ней — душно. Вэй Хуань распорядилась повесить меховые занавеси, отгородив ещё одно маленькое пространство внутри спальни. Где бы я ни находилась, там ставили дополнительные переносные очаги — так удавалось соблюсти баланс.

В тот день мы вернулись рано. Совершив омовение, ни одна из нас не чувствовала сонливости. Мы накинули меховые накидки и уселись друг напротив друга на лежанке с книгами. Я всегда зябла, поэтому куталась в накидку плотно. Вэй Хуань же, напротив, была горяча, и вскоре сбросила свою, оставаясь лишь в лёгкой шелковой одежде светлого оттенка. Это платье она надела после купания, и сидело оно на ней свободно. К тому же она разлёглась, полулежа на лежанке, и тонкая ткань сползала, обнажая кожу от ключиц и ниже. Перелистывая страницу, я краем глаза заметила это, но не придала значения, продолжая читать. Через некоторое время Вэй Хуань сняла и шёлковые носки, протянула ноги под низким столиком и упёрлась пальцами в моё колено. Я со смехом шлёпнула её по ступне: «Подвинься, не тесни». Подняв голову, я увидела очертания её тела под тонкой тканью. Сердце моё ёкнуло, забилось почему-то чаще. Я ещё не думала ни о чём дурном, лишь посмеялась: «Посмотри на себя — платье совсем разъехалось! Поправь-ка».

Вэй Хуань лениво попыталась завязать пояс, но у неё не получалось. Я как раз устала от чтения, отложила книгу и позвала её сесть рядом, чтобы помочь. Вэй Хуань, после двух моих напоминаний, наконец поднялась, села, скрестив ноги, и наклонилась ко мне через столик. Я перегнулась, чтобы поправить ей ворот, и взгляд мой упал на те две едва наметившиеся возвышенности. Сердце вдруг заколотилось с новой силой, во рту пересохло, глаза словно загорелись. Рука дрогнула, и пояс, который я уже взяла, выскользнул из пальцев. Пытаясь поднять его, я видела лишь её, с распущенными волосами и расстёгнутым воротом, склонившую голову и внимательно читающую.

На столике горела маленькая лампа. Свет её падал снизу, озаряя её лицо и шею, придавая им невероятно нежную, прекрасную выразительность.

Ей было четырнадцать — тот самый возраст, когда девочка уже не ребёнок, но ещё и не женщина. Черты лица в основном сохраняли детскую мягкость, но в них уже начали проступать будущие женские очертания. Эти черты были естественным, данным от природы очарованием, не требующим никаких украшений. А её врождённое обаяние было сильнее, чем у других, и несло на себе неповторимую печать личности Вэй Хуань.

Именно в тот миг во мне родилось жгучее желание — прикоснуться к ней, прильнуть губами.

В момент зарождения это желание было лишь смутным, едва уловимым позывом. Осознав его, я испугалась, смутилась и поспешно отдернула руку, отодвинувшись назад.

Вэй Хуань перевернула страницу и лишь тогда повернула лицо ко мне, приподняв бровь: «Почему остановилась?»

Мне явственно послышалось, как я сглотнула слюну, но, прислушавшись, я поняла, что горло пересохло начисто. Я посмотрела на Вэй Хуань. Она задала вопрос мимоходом и снова опустила глаза на книгу, лишь слегка повернув голову в мою сторону — будто ожидая, что я заговорю. Эта поза была ещё более непринуждённой, чем предыдущая, и заставила моё сердство вновь учащённо забиться. Я осторожно позвала: «А-Хуань?»

Вэй Хуань не повернула головы, лишь подняла на меня глаза. Хотя я уже тысячу раз восхищалась её глазами, я не могла не повторить про себя снова — какие же они прекрасные. Как две единственные звезды, горящие в кромешной тьме. Люди обычно восхищаются великолепием Млечного Пути, но, скажи мне, не будь на небе таких звёзд, как эти, разве был бы тот Путь столь прекрасен? Что Вечерняя звезда, что Полярная, что Волопас и Ткачиха… Все они хороши, но ни одна не сравнится с ней.

Моё лицо наверняка покраснело, как у варёного краба, а из макушки, кажется, даже шёл пар. Мне хотелось что-то сказать ей, но, кроме повторного «А-Хуань», в голову ничего не приходило.

Услышав, что я снова её позвала, Вэй Хуань наконец-то повернула голову и посмотрела на меня прямо: «Пить хочешь? Или есть? Только на ночь много не ешь — желудок застоится».

http://bllate.org/book/16278/1466107